

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Любовь и корона

..... ГЛАВА 1. Невеста

«**О**ни еще пожалеют! — билась в виски сердитая мысль. — Пожалеют!»

Ни о чем другом Летта не могла думать, эта мысль удерживала ее в сознании, заставляя крепко сжимать поводья в рукавицах, а так хотелось бросить все и скатиться под копыта коня, во весь опор мчавшего императорскую невесту по главному северному тракту королевства Гардарунт.

Но не на глазах же собственных фрейлин! Стоит только представить, как эти жеманные сплетницы будут визжать и в то же время жадно разглядывать останки несчастной, чтобы потом смаковать подробности, — захочется жить вечно.

И тем более не на виду у чужаков королевской дочери ронять себя в грязь. Да и не дадут эти чудовищные снежные маги убиться как следует. Они же на человеческом языке сказали: принцесса Виолетта теперь — величайшая драгоценность в короне их императора.

Вещь. Стекляшка, которую вышвырнули из дома в качестве откупа.

Подменная невеста, отданная чужакам вместо другой стекляшки, так не вовремя, перед самой свадьбой, разбитой врагами гардарунтского короля. Вместо опозоренной сестры-близняшки Виолы. Договор с императором должен быть соблюден. А одна равнинная принцесса или другая наденет брачный венец, значения не имеет. Главное, чтобы невеста чистоту соблюла: трехсотлетний повелитель льдов и буранов, овдовевший в очередной раз, никогда не брал подпорченного товара.

Знала бы Летта, что так обернется — давно, как старшая сестра Берта, согрешила бы тайно с каким-нибудь придворным офицером. Берте хорошо сейчас: ее отправили грешки замаливать на южные целебные воды, и в эскорте у нее тот самый офицер.

А горемычную Летту везут под конвоем в страну снегов и чудовищ.

— Хэй, хэй-о-о-е! — подгонял коней крик воина-мага, возглавившего уносившуюся в ночь кавалькаду.

Три десятка всадников и пять всадниц сопровождали равнинную принцессу к северному жениху. И только семеро из них — собственно свита принцессы. Остальные — конвоиры.

«Я им еще устрою!» — молча кусала губы Летта.

Со стороны никто не подумал бы, что мимо проносится свадебный кортеж: ни сверкающих парчой и золотом карет, ни гирлянд на пополах, ни цветка или ленты в конских хвостах и гривах. Да

и сами кони северян — белоснежные тонконогие скакуны с искрившейся инеем шерстью — уже не казались дивными и сказочно красивыми. В быстро сгущавшихся сумерках они летели, словно кошмарные привидения, несущие смерть, — стремительно и беззвучно, едва касаясь заснеженной земли.

— Хэй, хэй-ррроуу! — подгонял усиленный магией голос, перекрывая свист ветра в ушах, и в наступающей ночи он напоминал волчий вой.

Странно и жутко начиналась новая жизнь Виолетты, принцессы Гардарунта.

Невеста, одетая в теплый мужской костюм и меховой плащ, крепко держалась в седле, глубоко вогнав узкие ступни в стремя и прикинув к мощной шее скакуна, которого уже язык не поворачивался назвать конем. Надвинутый на лоб капюшон и повязанный до носа шерстяной шарф защищали ее. Но девушка все равно задыхалась от бившего в лицо ледяного ветра и колкого снега. А северяне еще торопили:

— Быстрее! Эй-ол!

Куда уж быстрее? На тот свет?

Особенно досаждала густая и длинная белая грива северного скакуна. Из шелковой она мгновенно стала колкой, как орудие пытки, обвешанное гроздьями ледяных кристаллов. Летта, склонившись еще ниже, чтобы плети конских волос не били по лицу, не видела дороги. Ей пришлось полностью довериться чутью коня и своему сопровождению.

— Они пожалеют! — поклялась девушка в очередной раз. И, видимо, гневные слова сорвались с ее губ, поскольку были услышаны.

— Кто они? — полюбопытствовал скакавший бок о бок рыцарь из ее свиты.

— Неважно! — задыхаясь от встречного ветра, крикнула принцесса.

Конечно, глупо было бы проболтаться, но имела в виду она прежде всего собственного отца, продавшего ее союзнику, и — корень всех бед — ненавистного Лэйрина, младшего и единственного брата. Кронпринца, наследовавшего корону в обход старших сестер.

При одном только воспоминании о презрительно сощуренных зеленых глазах мальчишки, особенно ярко выделявшихся на его белокожем лице, в сердце девушки вспыхнула ненависть. Иррациональная ненависть. Ведь если призадуматься, Лэйрин не сделал лично ей ничего плохого. Ни словом не обидел, ни делом. Но он — выродок, воспитанник горных демонов, это знали в королевстве все до последнего селянина. И его любит отец, король Роберт Сильный.

А Виолетта и ее сестры не вместились в отцовское сердце, и при первой же возможности король избавился от дочерей.

От всех шести.

Отправил кого в монастырь, кого в лечебницу, кого замуж, кого в могилу.

Зато больше никто из его детей не угрожал юному наследнику, чтоб его Темная страна забрала. По древним традициям Гардарунта корону наследовал старший ребенок, независимо от пола. Но у новой династии Огненных королей были свои понятия о традиции.

И свой дар огненной крови Роберт Сильный обещал передать только сыну. Девки, мол, неспособны удержать. Слабы духом.

Как будто он испытал их дух! Да при дворе слабые не выживают!

Девушка сглотнула подступившие слезы. Принцессе негоже плакать. Да и глупо при таких-то погодных условиях. Ничего, она сильная. Она все выдержит, что выпало на ее долю. И они еще пожалеют, что сломали ей жизнь. И отец, и брат.

И эта трехсотлетняя сосулька, ее будущий муж, пожалеет, что из всех равнинных принцесс, не связанных никакими брачными узами, он выбрал именно Виолетту! Мог бы и Беатрис выбрать, она-то точно никакими офицерами не увлеклась.

— Сто-о-о-ой! — раздалось совсем близко. — Привал!

Наконец-то! Слава Безымянному!

Бег скакуна замедлился. А когда он встал, Летта не смогла самостоятельно слезть с седла — ноги ооченели, руки не слушались. Даже разогнуться не получилось, и девушка уткнулась в ледяные пряди бело-снежной гривы и замерла. Немедленно потянуло в сон.

— Не спать, ваше высочество! — помешал ей голос, который она меньше всего хотела сейчас слышать.

Низкий, вибрирующий как струна волшебной арфы айров, которой созвучны слабые девичьи сердца, голос принадлежал северному кронпринцу Игнину — статному и красивому, как все северяне, мужчине лет двадцати пяти на вид, а на самом деле даже хроники путались насчет истинного возраста наследника Северной империи. И этого старика Виолетта скоро будет называть сыном! С ума сойти.

— Я не сплю! — попыталась сказать девушка, но заледенелые губы не послушались.

Она едва ощутила, как ее бережно сняли с седла, поставили на брошенный в сугроб ковер.

— Выпейте! — Игнин протянул ей небольшой сосуд из темного стекла с горевшей внутри рыжей искрой. — Этот бальзам называется «Корень солнца», он согреет вас и спасет от обморожений. Двух глотков достаточно. И лицо разотрите, у вас губы побелели.

«Зато такими губами самое то целовать сосульку», — мрачно подумала еще никогда ни с кем не целовавшаяся принцесса и сделала глоток из приложенного ко рту горлышка бутылки.

Она ожидала, что ее горло опалит невозможно крепкий напиток, как случилось однажды в детстве, когда добрый ее отец, король Роберт Сильный, дал ей глотнуть огненное пойло из своего кубка. Потом ее старшие сестры Адель и Агнесс вволю поиздевались над потерявшей осторожность малышкой, все фрейлины хохотали еще полгода.

Летта внутренне приготовилась к еще одной пытке, но напиток оказался слабым и сладким как мед. Зато действенным. Ее словно укутало прогретым одеялом, озарило жарким июльским солнцем, почудился сладкий аромат лета — малины, земляники и каких-то терпких пряностей. Она мгновенно согрелась. Даже показалось, что мир посветлел, хотя солнце давно зашло.

Девушка огляделась. Кавалькада остановилась на лысой вершине высокого холма. Замерзшие фрейлины тоже были сняты с седел, а североверные рыцари укутывали девушек в дополнительные шубы и отпаивали наверняка таким же точно эликсиром. Бедняжки даже находили в себе силы улыбаться. Вот что значит придворная выучка.

В той стороне, откуда они мчались к границе, до самого горизонта темнел лес, сливавшийся вдаль с необычно черным небом без единой звезды.

А на севере, как ни странно, небо было ясным, с низко висящими звездами и лунами.

Кронпринц показал на чистый участок неба:

— Нужно поспешить, до полночи немного осталось, а граница далеко.

Темнота действительно наступала слишком стремительно, давила странной тяжестью. Казалось, еще немного, и ее можно будет потрогать. И увязнуть в ней, как мошка в глыбе черного янтаря.

Летта отпила глоток «Корня солнца». И настроение из раздраженного стало мягким и игривым, как котенок.

— Разве вы не найдете нам ночлег, ваше высочество? — Она кокетливо поправила сползающий на нос капюшон. Пусть этот... этот, в общем... видит, как хороша его будущая мачеха.

— Нет, принцесса. Нам нужно покинуть вашу страну как можно быстрее.

— Я не тороплюсь, — пожалала она плечиком, искоса поглядывая на будущего пасынка, хотя поклялась себе даже не смотреть в его сторону. Но нужно же поддерживать светскую беседу и налаживать добрые отношения в будущей семье.

В ее интересах, чтобы наследник императора не видел в ней врага и не считал ее преградой между ним и его отцом. Виолетта, несмотря на юность, слишком хорошо знала, как ревность отравляет сердце: все шесть дочерей Роберта, о которых король вспоминал только за обедом, когда девочки садились за один стол, люто ревновали отца к его ненаглядному сынку.

— Вот как? — холодно отозвался Игинир, совсем не смотревший на девушку, к ее досаде. Все его внимание сосредоточилось на чернеющем южном горизонте, как будто там что-то можно разглядеть. — Напрасно. Император и без того очень недоволен нашей задержкой.

— В этом нет моей вины.

— Поверьте, он не будет разбираться. Лучше его не злить, мой добрый вам совет. Простите, мне нужно поговорить со старшим офицером. Не забудьте растереть лицо и руки, император не оценит от замороженного носа, — напомнил северянин, поспешно отходя от будущей мачехи.

«Сам ты отмороженный! А ведь не очень-то он почтительно говорит об отце», — отметила Виолетта, провожая его взглядом.

Принц кивнул кому-то по пути:

— Кайш, проследи.

8 «Как псу, — поморщилась девушка. — Охраняй, фас, сидеть».

Слева в шаге от принцессы беззвучно выросла фигура воина, его доспехи слабо поблескивали в лунном свете, он поклонился:

— К вашим услугам, ваше высочество.

Не успела Виолетта рта открыть, как справа появился еще один широкоплечий силуэт. Молодой голос приказал:

— Отойди на два шага, Кайш, ты слишком близко подошел к особе королевской крови.

В темноте принцесса уже не могла рассмотреть лица говорившего, но догадалась по голосу, что это Яррен, — один из горцев-телохранителей, присланных лордами Белогорья по договору между ее матерью, изгнанной в горы, и отцом. Принц Игинир лично отбирал лучших из младших горных лордов для того, чтобы охранять дочь королевы Хелины.

— Забота о ее высочестве — наше дело, пока мы в пределах Гардарунта, — продолжил парень. — И за его пределами тоже, сразу предупреждаю. Подходить к нашей принцессе ближе чем на три шага дозволяется только императору и его наследнику.

— Я лишь выполняю приказ, Яррен, — возразил Кайш, но на шаг отступил.

— На два шага, я сказал! — Горец мгновенно налился яростью.

Стычке помешал клич старшего офицера:

— Отряд, по коням! Хем! Ласс-аан!

А к принцессе уже спешил принц Игинир.

— На этот раз вы поедете со мной, миледи, — сказал он, протянув ей обтянутую перчаткой ладонь.

— Невозможно! — высказался самозванный блюститель нравственности Яррен. — Грубое нарушение этикета. Недопустимо!

— Горец, нам не до этикета и не до споров. Мы уберемся отсюда самым быстрым способом, какой выдержат леди. Ты же видишь, что там творится! — Игинир повернул лицо к югу.

Это не ночная тьма! — с ужасом осознала Виолетта. Неба как такового не было. Вместо него над землей Гардарунта нависло нечто — то ли невероятных размеров черные крылья, то ли огромная раззявленная пасть. И это нечто выдыхало клубы мрака, расплзавшиеся по земле.

— Это же... — Голос Яррена дрогнул, внезапно стал глухим и отчаянным. Он повернулся к кронпринцу. — Ты позволишь мне остаться? Я должен быть там. Я должен помочь!

Летта не успела удивиться ни просьбе, ни тому, что какой-то горец с принцем на ты.

— Нет, — осадил его Игинир. — Там есть кому помогать. А ты нужен мне здесь. Ты принес присягу, и никто тебя от нее не освободит, пока не удовлетворишь обязательств. А ты, напомню, обязан от лица короля Роберта и королевы Хелины передать жениху руку их дочери на бракосочетании.

Яррен скрипнул зубами и, молча поклонившись, снял с плеч и подал Виолетте свою огромную шубу на рысьем меху.

— Укройтесь. Будет еще холоднее.

— А как же вы? — нахмурилась девушка.

— Мне из обоза выдадут, — глазом не моргнув соврал горец. Принцесса прекрасно знала, что обоз с ее приданым, гардеробом и вещами сопровождающих ее придворных остался в столице — невесту везли к жениху налегке, словно пленницу.

Дальнейшее Летта воспринимала как сквозь туман. Возможно, потому, что она опьянела от эликсира и кровь ударила в голову. Или потому, что никогда еще к ней не прикасались сильные мужские руки, не прижимали к мощной, горячей по сравнению с ночным холодом и ледяным ветром груди.

Никогда еще она не ощущала, как бьется мужское сердце. Слишком ровно и медленно, словно он не держит в руках одну из двух первых красавиц Гардарунта. Второй была ее сестра-близнец Виола... при воспоминании о судьбе которой останавливались мысли.

«Не думать об этом!» — приказала себе Летта, чтобы не заплакать. Северные ледышки не увидят слез дочери Огненного короля равнин и колдуньи из Белых гор. И если ни одна из дочерей Хелины не унаследовала магию матери, то ее гордость перешла к Виолетте в полном объеме.

В отличие от сердца принца, ее сердечко билось гораздо быстрее, а щеки так жарко полыхали, словно король Роберт снова благословил ее огнем, как при прощании — первый и последний раз, когда он прикоснулся к дочери, поцеловав ее в лоб.

Слегка захмелевшая девушка не замечала ничего вокруг, сосредоточившись на новизне ощущений и оттаивая от горевшего внутри жара. Не видела, как кони обернулись снежными птицами и взлетели над землей буранами. И даже не испугалась, когда Игинир склонился к ее уху, обдав щеку теплым дыханием, и громко, чтобы перекрыть шум ветра, сказал:

— Сейчас мы поднимаемся довольно высоко, принцесса. Не бойтесь, я не позволю вам упасть. Не смотрите вниз, все равно темно и ничего не видно.

«Как же не видно, когда вполне явственно зияет страшная бездна с ледяными росчерками несущихся сквозь нее крыльев?!» — хотела высокопарно сказать Виолетта, но только жалко пискнула и тут же устыдилась своей ничтожности.

Вокруг выл ветер, но уже не такой отвратительный, как раньше. От холода девушку защищала рысья шуба, в которую ее заботливо кутал принц. Не потому он делал это, что Летта вдруг стала ему дорога, а потому, что, случись что с императорской невестой, ему же первому попадет. Например, отец лишит его права престолонаследия. У старого императора есть и другие сыновья. Все эти скрытые пружины, двигавшие людьми и не людьми, принцесса вполне могла разглядеть.

Нет, не верила она в искренность и мало-мальски доброе расположение к ней снежного мага, просто-напросто выполнявшего поручение отца: доставить ему невесту.

Летта прекрасно помнила жесткие, унижительные слова Игинира, которыми он отхлестал ее при всем дворе. Она в его присутствии бог весть что наговорила Лэйрину — гибель близняшки Виолы обрушилась на Летту как горная лавина и почти погребла ее разум. Брат тогда ничего не ответил на оскорбления, а вот Игинир не промолчал.

В сердце Летты те слова оказались выжжены огненными рубцами, она уже никогда не забудет, как северянин скучающим тоном сказал своему оруженосцу:

— Какое счастье, что мои мачехи долго не живут, особенно те, что несдержанны на язык. Может, мы с тобой, Льеос, пари заключим, сколько протянет эта новенькая?

— Опасно с тобой на спор идти, мой принц, — ответил ему оруженосец. — По мне, так чем меньше они живут, тем лучше — свадьбы с бесплатной выпивкой чаще. Похороны, опять же...

Вот это унижение будущая императрица не собиралась прощать. Пока Игинир сам не попросит прощения. И пусть повинится как следует.

А о том, какое первое впечатление произвел на юную девушку северный принц, впервые явившийся с посольством в равнинное королевство, Летта, наоборот, забудет. Совсем забудет. Это было в прошлой кошмарной жизни, оставшейся далеко позади.

.... ГЛАВА 2. Граница

Врут люди про избалованных принцесс Гардарунта. Никто Летту не баловал. У них была злющая нянька, потом холодная, как гадюка, камеристка. И равнодушный отец.

Королю Роберту не везло с сыновьями. Супруга родила ему три пары близнецов-дочерей прежде, чем появился Лэйрин, не похожий ни на отца, ни на мать. За это несходство король поначалу не признал сына, обвинил жену в измене, изгнал вместе с новорожденным малышом в ее отчий дом — родовой замок горной ведьмы. Увы, забрать дочерей он ей не позволил.

Младшей паре сестер исполнилось лишь два года, когда они лишились матери.

Все шесть девочек удивительно походили на королеву Хелину и друг на дружку. Их прозвали сокращенно сестры А., сестры Б. и сестры В. Сущие ангелы внешностью — голубоглазые, с белокурыми кудряшками, пухлыми алыми губками.

Но чем старше они становились, тем сильнее выпирали различия.

Старшие Адель и Агнесс, всегда любившие пакостить исподтишка, совсем почернели душой, зато их волосы приобрели редкий платиновый оттенок. Они были блудливы, как кошки, унаследовав от отца его страсть к развлечениям и разврату.

Средние Берта и Беатрис — честные, но находившиеся под влиянием старших, — повзрослев, начали ходить на короля Роберта статью и внешностью. Их косы слегка порыжели, а глаза засверкали сталью. Обе прямоотой и воинственностью характера пошли

в отца. Вот только Берта обожала коней и оружие, а Беатрис — молитвы и псалмы, словно вознамерилась отмолить все грехи королевской семьи.

А младших, Виолу и Виолетту, будто солнечным медом облили — так золотились их прически, а цвет глаз был под стать именам — глубокой фиалковой синевы.

Но красота младших принцесс не успела расцвести. Да и ходили они, вечно потупившись, и держались тишком. Страшно им было лишний раз привлечь внимание: старшие Адель и Агнесс из зависти могли что угодно подстроить.

Виолетта прекрасно знала, на что способны сестры А., твердо решившие обзавестись коронами. Агнесс тайком бегала в сокровищницу примерять корону Роберта Сильного, которая разве что на талию ей подошла бы. Адель страстно мечтала о венце императрицы Севера, даже язык ласхов пыталась выучить. И раз в год они, забавляясь, менялись мечтами.

Отец распорядился иначе, отдав одну замуж за восточного князька, а другую — за дряхлого герцога. Обе старших принцессы быстро освободились от мужей удивительно одинаковым и незатейливым способом: князьку досталась на охоте отравленная стрела, герцогу — ужин, несовместимый с жизнью.

И если овдовевшая Агнесс до возвращения Лэйрина еще могла стать королевой Гардарунта, то Адель навсегда простилась с мечтой об императорской власти — трехсотлетний самодержец Севера никогда не женился на «порченных» невестах и вдовах.

Потому, когда стало известно, что король Роберт отдает в жены императору Виолу, завистливые сестры А. ее раздавили — подложили под своего любовника Дирха, и тот обесчестил несчастную.

Летта при всей любви к своей близняшке понимала, что вполне могла быть на ее месте. Не тут, в седле северного скакуна, а там, в будуаре мерзавки Адель, и только случайность ее уберегла. Ничто не мешало отцу вписать в первый брачный договор ее имя. Просто «Виола» было короче, а король как всегда торопился или был так пьян, что с трудом удерживал перо.

Зато когда за невестой явился посланник императора и его сын, кронпринц Игинир, исправить в договоре имя Виола на Виолетту не составило особых хлопот.

Виолетта прекрасно помнила его визит.

Впервые при дворе равнинного короля появился северянин столь высокого ранга и сильный маг, не считавший нужным скрывать красоту своей магии.

Явился он эффектно: влетел в ворота (Летта как раз стояла у окна, ожидая, когда ее позовет отец) на изумительно прекрасных белых конях со сверкающими инеем гривами, со свитой из «снежных дьяволов» — воинов и магов, чьи лица украшали затейливые морозные узоры. Нелюди. Ласхи.

Почти сразу за Леттой пришли слуги, и она, подхватив юбки, почти бежала, чтобы успеть к появлению гостя в зале.

Он, рассыпая вокруг дивные отблески северных сияний, стремительно вошел в душный тронный зал, где по сторонам королевского трона уже стояли обе младшие дочери Роберта — опозоренная и невинная — и их фрейлины. И словно свежим морозным ветром повеяло. Даже легче дышать стало. Наверняка северянин магию применил, хотя в Гардарунте запрещено магичить без особого разрешения короля.

Ни у кого из гардарунтских рыцарей не было столь красивых длинных волос, шелковыми нитями рассыпавшихся по белоснежным латам. Ни у кого не было такой чистой фарфоровой кожи и вместе с тем такого мужественного лица с резковатыми, словно высеченными из белого льда чертами.

Игинир сразу остановил на Летте взгляд необыкновенных мерцающих глаз, выхватив ее лицо из десятка других женских лиц. Он улыбнулся, и сердце девушки екнуло.

Никогда она не видела такой улыбки, предназначенной, казалось, только ей — открытой, светлой, словно к ее сердцу радужный мост протянули и по нему скатился клубок счастья. Улыбка, отработанная десятилетиями политических интриг, — одернула она себя.

Как все королевские дочери, Летта прекрасно знала родословные крупных аристократических семей цивилизованного мира, осведомлена была и о способностях их представителей. Кронпринц Игинир занимался внешнеполитическими связями Северной империи, и кого еще назначать представителем жениха и отправлять за невестой, как не обладателя сногшибательной дипломатической улыбки?

Король приветствовал гостя, представил его дочерям, и опять Летта на миг попала в ловушку магического взгляда. Даже покраснела, помнится.

Гость поговорил о тяготах пути по равнинному бездорожью, Роберт посплетничал о спесивом характере лордов Белогорья, порассуждал о погоде, а потом этак невзначай сообщил:

— Ах да, у нас тут небольшие изменения в брачном договоре, надо бы с твоим отцом согласовать.

— Какие? — Игинир принял свиток из рук королевского секретаря, развязал ленту, пробежал текст взглядом.

— Ничего особенного. — Роберт небрежно махнул рукой. — Суший пустяк: всего лишь имя невесты поменялось. Виола передумала, а Виолетта согласилась вместо нее принять руку и сердце твоего батюшки. Никакой ведь разницы, приданое то же самое, девицы — близнецы, на одно лицо.

— Не сказал бы, что никакой разницы, — возразил северянин, резко повернул голову к несчастной Виоле, и та аж пошатнулась под его пронзительным взглядом.

Что-то понял о ней посланник императора: его взгляд изменился, словно потяжелел, а уголки красиво очерченного рта опустились. «Даже не стесняется магичить, наглец», — разозлилась Летта. Стало обидно за сестру. Она же не виновата. Ни в чем. Да за такое нежное и доброе сердце, как у Виолы, еще побороться надо, а не плевать мысленно в ее сторону!

Выражение злости застыло на лице Летты, когда принц повернулся к ней и одарил таким же просвечивающим взглядом.

Многоликий ласх, вспомнила принцесса характеристику его магии. Не обычный синий маг Севера, которому подвластен воздух и холод, а один из немногих сохранивших такое редкое наследие древних айров, как способность изменять тело и видеть скрытое сквозь морок.

Летта под его взглядом опустила ресницы — привыкла уже скрывать любой проблеск мысли, чтобы не заклевали старшие сестры, — и выдала фальшивую до оскомины приветливую улыбку, почти оскал.

Не могла она мило улыбаться, когда именно в этот миг осознала как никогда четко, какая судьба ее ждет — недолгая жизнь стекляшки в окружении молотов — снежных дьяволов, которым она на один зуб.

«Обломится еще ваш зуб!» — упрямо сжала она губы.

До рождения императорского сына, которого Роберт обещал благословить огнем, ее жизнь будет драгоценной, оберегаемой. Ну, а что случится после, зависит только от нее.

Выживать Летта умела. Она всю жизнь в королевском гадюшнике среди змей и скорпионов росла, научилась за восемнадцать лет.

Она другого боялась: беззащитности перед колдовством.

Бездарность не была бедой в равнинном королевстве, где магией владели только короли, передавая тайну дара по мужской линии. Да еще, по слухам, магичили жрецы Безымянного бога, остальные гардарунтцы не были магами, но если у кого-то и обнаруживались способности, такого человека сжигали за колдовство жрецы.

Но в северной стране, где все аристократы — маги, где у принцессы нет и не может быть друзей, Виолетте придется очень сложно. Не лучше ли бежать и потеряться? Лучше, но глупо даже надеяться. Во-первых, зима на дворе, во-вторых — маги в охране, чтоб их владыка мертвых Азархарт всех прибрал.

Виолетта надеялась придумать что-нибудь в ближайшем трактире, где кортеж остановится на привал. Не зря же отец при прощании надел ей на палец кольцо с рубином и сказал тихо, в самое ухо:

— Совсем плохо станет — брось кольцо в огонь. В любой, хоть в трактирный очаг, хоть в факел, хоть над свечкой поддержи. Я помогу тебе.

И подмигнул. «Беги, дочка!» — так поняла Летта слова прожженного рыжего интригана. Договор формально будет соблюден: ведь король Роберт передал дочь представителю жениха. А то, что невесту потеряли по дороге — не его вина. Да он еще с женишка моральный ущерб за разбитое отцовское сердце потребует!

Но как оказалось, путь свадебного кортежа лежал мимо всех трактиров королевства, а факелов и костров северные маги не жгли из чувства самосохранения. Какие могут быть костры для ледышек!

Перебирая свои скудные воспоминания, невеста императора не заметила, как уснула, устроив голову на груди державшего ее всадника.

Очнулась она оттого, что кто-то непрерывно тряс ее за плечи и орал то на ухо, то куда-то в сторону:

— ...ничего доверить нельзя, тем более человека! О чем ты думал? Почему ей уснуть позволил?! Сейчас это слишком опасно!

И этот кто-то наверняка звался Яррен.

— Да, учитель, — насмешливо отвечал ему Игинир, но развивать тему, что яйца курицу не учат, не стал.

— И чего тут смешного? — тотчас вскипел горец. — Пока мы тут спорим, темная тварь может щупальца выкинуть и зацепить девчонку. А душу спящего уволочут — вовек не разбудишь. Будь ее сам, нечего было меня звать, я вам не камеристка.

«И принц ему не принц, и принцесса девчонка, и король не король. Да этот парень со всеми на короткой ноге!» — развеселилась Виолетта. Но продолжала изображать обморочную. Этой придворной наукой девушка владела виртуозно.

— Да и я, как видишь, не служанка, — фыркнул северянин.

— Вижу, вижу, — покладисто согласился Яррен, — такой же спесивец, как твой драгоценный папаша, которого век бы не видеть — настолько наслышан. Принцесса, очнись! Нельзя спать! Да проснись же ты, Летта!

От звука имени, которым ее звала только сестра-близняшка, на душе потеплело. Но глаза открывать девушка не спешила, и ее опять непочтительно потрясли, как деревце, а потом на лоб опустилась жесткая рука воина, привыкшего к мечу больше, чем к магии. Без перчатки! Впрочем, лекарю дозволяется, а именно лекаря сейчас являл собой ее телохранитель.

— Ну, и зачем притворяться? — хмуро поинтересовался он. — Тут каждое мгновенье на счету!

Как он сумел вывести ее на чистую воду — загадка.

— Вставайте, ваше высочество, — вспомнил об этикете младший лорд Белогорья. — Мы на земле Севера, но из-за вас застряли слишком близко к границе.

— Быстрее, миледи, — куда более грубо поторопил Игинир.

— Я нечаянно уснула, — сорвалось у Летты, хотя она уже давно взяла себе за правило: никогда не оправдывайся, если на тебе просто хотят сорвать раздражение.

— У вас был обморок, а не сон, — внес ясность Яррен. — Его высочество за вас испугался.

— Скорее, за нас. Мне показалось, у нее перестало биться сердце, — неприязненно сказал принц, отворачиваясь. — В такой близости от Купола это чревато.

— Какого купола? — Летта непроизвольно проследила за его взглядом и от ужаса едва не закричала.

Свадебный кортеж равнинной принцессы остановился на высоком берегу широкой пограничной реки. Луг был залит лунным светом, казавшимся особенно ярким по сравнению с кошмаром, творившимся на другой стороне реки. Там, где простирались земли Гардарунта.